

Авторы признательны за огромную помощь и большую работу при подготовке книги к печати Л.А.Карамновой, являющейся ответственным секретарем данного труда.

Большую благодарность авторы выражают рецензентам В.И.Аршинову и Б.Г.Юдину, а также И.К.Лисееву, взявшим на себя труд прочитать и оценить рукопись книги, сделавшим ряд ценных замечаний по ее совершенствованию.

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX века отмечен новой ситуацией в жизни человека и человечества. Новизну ситуации можно кратко определить как осознание угрозы, исходящей от результатов собственной деятельности. Здесь и открытие новых источников энергии, способных не только увеличить мощь человека и его воздействие на мир, но и уничтожить все вокруг. Здесь и совершенствование информационной технологии, порождающей проблему искусственного интеллекта и все возрастающего потока избыточной информации, которую человек уже не воспринимает в виде полезных знаний, а пытается оградиться от нее как от шумового фона. Наконец, ускоренное и ускоряющееся уничтожение окружающей человека среды, без которой он просто не в состоянии существовать, как результат индустриального развития и сопутствующих этому явлений.

Многие исследователи сегодня констатируют возникновение такого явления, как экологическое отчуждение, состоящее в нарушении гомеостаза между человеческим видом, оснащенным высокоразвитой техникой, и биосферой, утрачивающей свои животворящие свойства. Восприятие угрозы излагается либо в терминах метафизики как нарушение настоящего порядка, либо в этической терминологии как следствие нарушения этических норм. Недостаток подобных интерпретаций состоит в том, что они не служат уяснению фундаментальных изменений в жизни человека, а поэтому и не в состоянии привести к построению оперативной программы противодействия угрозе цивилизации. В общем-то, ничего из ряда вон выходящего в этом нет. Познание жизни человека, его знаний и деятельности всегда сталкивается с неопределенностью: человечество

каждый раз знает много меньше, чем предстоит узнать. Постигнутое ограничено, а то, что подлежит постижению, бесконечно. Познание начинается с неопределенности, неясности, смутности, запутанности. Однако там, где такая запутанность обозначилась, надо ждать подвижки мысли. Неопределенность обычно и возникает на главных линиях развития человека, именно в точках его роста. Французский философ Гастон Башляр заметил: «Интеллектуальные сумерки имеют структуру». Иными словами, состояние неопределенности — это не убивающее мысль монотонное однообразие, а естественное разнообразие, обещающее новые истины. Неопределенность — не просто неизбежный этап в движении человеческой мысли, этап, может быть досадный своей мучительной смутностью. Неопределенность необходима, поскольку несет момент, подготавливающий человека к развитию в неожиданных плоскостях и направлениях. Стоит, однако, сразу заметить, что проблема неопределенности не означает, что можно мыслить о чем-то и излагать смутно свои мысли. Даже о смутном думающий человек будет говорить ясно, если можно что-то сказать. Смутно излагающий свои мысли человек скорее всего вообще ничего не думает, либо думает недостаточно над поставленной проблемой. Речь здесь идет не о точности или строгости подбора понятий и категорий, а именно о ясности изложения. Даже о смутном вполне можно говорить ясно, чему подтверждением являются слова Гете: «Я должен пот тяжелый лить, чтоб научить тому, чего не понимаю сам».

О том, что можно успешно излагать свои мысли, не имея отчетливости, говорят не только примеры великих философов или поэтов, но и естествоиспытателей. К примеру. М. Борн писал: «Мой метод работы состоит в том, что я стремился высказать то, чего, в сущности, высказать еще не могу, ибо пока не понимаю сам».

Именно неопределенность заставляет человека выдвигать гипотезы, с помощью которых конструируются законы, системы, модели, т.е. хаос преобразуется в порядок, неопределенность исчезает и появляется четкая и ясная картина, предположим, мира. Из сотен гипотез ставка делается на одну, которая являет истину. Но, как говорил Гегель: «Истина рождается как ересь, а умирает как заблуждение».

Вместе с тем состояние неопределенности чаще всего начинает преодолеваться не с гипотез. Даже гипотезу иногда бывает трудно сформулировать. На помощь приходит образ. Именно образ позволяет выделить из неопределенности какие-то более четкие стороны действительности, поставить первые ясные вопросы, начать формулировку проблемы. Именно поэтому, кстати, художники, артисты, поэты выглядят первооткрывателями новых ситуаций, проблем, вопросов. Но все же на передовых позициях при соприкосновении с неопределенностью находится философия. И в этом, пожалуй, ее роль не только никогда не уменьшится, но будет все более возрастать. В самом деле, какая иная деятельность, кроме философии, изначально призвана разбираться с неопределенностью, рассматривать, изучать абсурд, чепуху, несуществующее, непредвидимое и т.д. Именно о подобных ситуациях идет речь, когда сегодня мы говорим об угрозе человеку от его собственной деятельности.

Нередко предлагается философско-антропологический подход, в котором человек предстает как коллективное существо, являющееся частью биосферы. Удовлетворение естественных потребностей, определяемых свойствами организма, составляет в этой антропологии не только условие поддержания человеческой жизни, но и основной источник активности человека в сфере утверждения человеческого разума. Поскольку человек вступает в контакт с естественной средой через технику, это придает своеобразный характер его связям с

природным окружением, образует новую сферу — техносферу, которая в свою очередь разбивается и образуется бесконечным числом техноценозов, выделение каждого из которых определяется семейством изделий, отдельной особью, количеством видов изделий или инструментов. Для ценозов существует общность структуры, что создает фундамент техники, и возможность показать отличия в действии отбора, которые вытекают из изменения в применении информации в ряде систем: физико-химические, биологические, технические, информационные, социальные. Поэтому говорить о человеке, пренебрегая теми рамками развития, в которые он заключен, значит не понимать, что неопределенность ситуации вовсе не снимает задачу выяснения, освещения сложившихся или складывающихся форм развития.

В философии Нового времени преобладало убеждение, что техника как комплекс средств обеспечивает господство человека над природой. Технический прогресс считался свидетельством разумности человека и способности человеческого рода к самосовершенствованию. Мысль о господстве над природой при помощи науки и техники выражала оптимизм эпохи бурного роста знаний, умений и благосостояния. Оптимизм в оценке технического прогресса можно заметить даже у Гегеля. Наиболее ярким выразителем оптимистической тенденции является Маркс, хотя и рассматривавший проблему эксплуатации и пауперизации как явлений, сопутствующих прогрессу, но видевший их источник не в самой технике, а в социальных институтах, таких как частная собственность.

Только в философии XX века появляются мыслители, критически оценивающие развитие техники и техническую цивилизацию в целом. Некоторые, как О.Шпенглер, стали говорить о «предательстве техники», которая из орудия, послушного человеку, превратилась в самостоятельную область действий, развитие которой угрожа-

ет природной среде. Другие, как К.Ясперс, обвиняют современную цивилизацию в том, что технические средства в ней служат массовому уничтожению и человекоубийству (особенно на примере создания концентрационных лагерей). Э.Мунье, например, видит в развитии техники и в индустриализации источник социальной дезинтеграции. Как видно, критическая оценка техники составляет существенный элемент современной философской мысли, хотя оценка довольно односторонняя. Подобная критика техники обращает внимание на ее применение, а не на изменения, которые она вносит в отношения человека с природой. Можно дополнить и развить эти критические замечания введением понятия отчуждения, как это делает Э.Кудерович исследуя понятие экологического отчуждения, когда между человеком и природным окружением нарушен гомеостаз, когда разрушенная биосфера перестает благоприятствовать существованию и развитию человеческой жизни и несет в себе возможность ее уничтожения.

Однако и этот подход ограничен лишь односторонней схемой. В самом деле, вроде ясно, что бесчисленные нововведения ничего не меняют сами по себе в существующей технической сфере. Но вот уже ряд лет как наблюдается грандиозная перестройка, правда, совсем в другой области. Известно, что человек плохо приспособляется к современной технике и, несмотря на прогресс в техническом оснащении человека, наблюдается увеличение случаев неадаптированности, порождающих физиологические и психические расстройства, либо нарушения в порядке и эффективности технических систем, что выливается в различного рода катастрофы, аварии, происшествия. Именно здесь кроется то, что беспокоит все большее число людей, что можно назвать сутью современных преобразований. Главные изменения состоят в том, что люди перестали искать прямые средства решения конфликтов: по принципу от

противного отказались адаптировать социум — экономику, политику, культуру — к технике; в то же время отказались производить «мутантов», людей без изъянов, без недостатков по отношению к технике, перестали встречать в лоб препятствия и противоречия, перестали стремиться к исправлению дисфункций техники непосредственными акциями. Произошло то, что не предвидел ни один фантаст: произошла перестройка, все последствия которой еще далеко не осознаны, но в которой можно усмотреть своеобразную операцию блокирования социума техникой. Эта операция еще настолько неясна, что выглядит не актуальной для интеллектуального общества. По видимости, ничего не изменилось; технические средства продолжают совершенствоваться, люди этим пользуются, имеются идеологические реакции. Но никто не хочет даже упоминать о том, что рано или поздно придется взять управление технической системой на себя так, чтобы привести в соответствие с происходящими изменениями социальную организацию, человеческие отношения.

Думается, что в основе односторонности перечисленных подходов, а также и многочисленных других подходов, лежит то, что за исследованиями технического мира теряется человек, при том не коллективный человек, а индивид. Начать выход из мучительной ситуации по преодолению неопределенности современного этапа развития человечества можно только с выяснения индивидуального мира человека.

Фактически речь идет о выживании человека в определенных условиях или о его безопасности. Сама по себе проблема безопасности универсальна для биологических систем, где качество квалифицируется как степень выживаемости. Структурные нововведения, такие как воспроизводство, мутация, бифуркация, размножение, рождение, смерть и т.д., выявляют лишь новые отношения к критерию выживаемости. Но не стоит

упускать тот факт, что выживаемость имеет значение лишь тогда, когда имеет значение понятие смерти. Если мы не можем сказать о той или другой системе в таком контексте, то значит мы не можем и говорить о ее безопасности в строгом смысле слова. Применяя же понятие безопасности для характеристики неживых систем, мы меняем смысл слова и уводим проблему в совершенно другую, непредвиденную сторону. Мы говорим о безопасности человека только потому, что он рождается, живет и умирает: мы не должны говорить о безопасности техники или государства, поскольку они создаются человеком — не рождаются, а конструируются; не умирают, а разрушаются; не живут, а функционируют. Конечно, можно употреблять слово безопасность в контексте конструктивизма, но тогда необходимо четко помнить, что речь идет о совершенно другом явлении. В частности, если мы говорим о государственной безопасности, то речь идет о защите государства и его аппарата, а вовсе не о безопасности личности: правда, сюда входит вопрос и о безопасности отдельных личностей, включенных в государственный аппарат. Если мы говорим об информационной безопасности, то речь идет лишь о сохранении секретов. Если мы говорим о безопасности техники, то речь идет о режиме ее работы и эксплуатации, с одной стороны, о безопасности человека, контактирующего с этой технической системой, о безопасности «от техники», с другой.

Что касается человека, то специфика проблемы здесь такова, что знание предела позволяет избавиться от опасности. Здесь не оспаривается фундаментальность философской концепции — «мир познаваем». Но добавляется: мир еще и осваиваем, преобразуем, он податлив при насильственном и целенаправленном приложении сил, формируемых сознанием. В податливости материального мира заключается опасность для самого человека, кроющаяся в действии расходно-созидательного

механизма изменений преобразуемого мира. Встал вопрос о том, насколько и какими темпами можно преобразовывать среду обитания, чтобы обеспечить относительно бесконфликтное и бескатастрофное развитие.

Специфика человеческого существования обусловлена тем, что пределы развития не постоянны и изменяются по мере преобразований. Однако человек не может претерпевать бесконечные изменения и оставаться человеком, даже если он сохраняет при этом свое название. Тем более не может быть беспредельного развития отдельно взятого индивида. Если для человечества быстрые и значительные изменения грозят лишь тем, что оно перейдет на новый этап развития – с возможным уничтожением или перерождением огромной части общества, то для отдельно взятого индивида такие изменения грозят гибелью. Система бытия человека и система бытия человечества настолько различны, что некоторые параметры и элементы этих систем могут развиваться в совершенно противоположных направлениях: что хорошо для человечества, может быть смертельно для индивида. Например, человеческое общество испытывает потребность в увеличении каких-то химических изделий: строится завод по производству этих изделий, которые пользуются бешеным успехом у потребителей; но люди, работающие на этом заводе, стали очень быстро вымирать. Или другой пример: человечество нуждается в развитии информатики; информационные средства быстро вводятся в системы обучения, на производстве и в учреждениях, в местах досуга и даже на дому: в результате отдельно взятый индивид приходит на работу и имеет дело с компьютером, а не с коллегами, приходит домой и имеет дело с компьютером, а не с домочадцами и родственниками, вместо спорта, театра, аттракционов предпочитает тот же компь-

ютер и т.д. И наконец, после длительной депрессии и ряда стрессов вынужден познакомиться с инфарктом, инсультом и т.д.

Но и эта сторона человеческого существования лишь часть проблемы безопасности. Еще одна специфическая черта личности состоит в том, что ее потребности постоянно растут, а их удовлетворение осуществляется не только наличествующим бытием, но все чаще используется нечто из небытия. В этом пункте мы соприкасаемся с тем, что связано с будущим, хотя и постановка проблемы безопасности имеет смысл только в рамках будущего.

Ни в одной из сфер деятельности человечество не хочет признавать преград дальнейшему развитию. Означает ли это, что возможности человека неограничены, или это означает, что просто в силу своего примитивного развития мы еще не дошли до осознания таких пределов, когда дальнейшее развитие станет невозможным? Человека не удовлетворяют свойства естественной природы, которая всегда ограничена средой его обитания и является сферой досягания человека. Эта сфера и в макро- и в микромире постоянно расширяется. Но человек познает свойства естественной природы не только для того, чтобы воспользоваться ими напрямую, он активно осваивает процессы создания новых свойств материи, которых ранее в природе не существовало. При этом создаются не любые свойства материи, как это происходит в первозданной природе, а только те, которые удовлетворяют человеческие потребности на данный период. Если в природе свойства материи развиваются свободно (незапланированно) — какие получатся, то человек использует природные свойства для получения запланированных им и полезных ему свойств, которые ранее в природе не существовали. Они возникают из небытия, т.е. из субъективной реальности, уже существующей, но еще находящейся в